

— С днем рождения тебя, с днем рождения тебя...

Дрожащий свет свечей, негромкое пение. Бабушка и Цинь Хайяо стояли рядом, празднуя день рождения Жуань Ихань. Лицо пожилой женщины светилось от искренней радости, а морщинки на нем словно разгладились в теплых отсветах пламени. Старушка нетерпеливо поторопила внучку:

— А-Хань, задувай свечи и загадывай желание!

Когда-то именно об этом Жуань Ихань мечтала больше всего на свете.

Она часто думала: если однажды она сорвется в пропасть и потеряет всё, то сможет это пережить. Справится с любой бедой, пока рядом с ней бабушка — её единственный близкий человек, и Сяо Хай — её любимая.

Её мягкий характер совершенно не подходил для жестокого и изменчивого мира бизнеса. Она и сама давно устала от бесконечных интриг. Если бы они были рядом, даже самые тяжелые дни казались бы терпимыми.

Как жаль. Жуань Ихань была готова терпеть любые лишения, но та, что когда-то клялась следовать за ней на край света, теперь спала и видела, как бы поскорее выбросить её из своей жизни.

В нежном полумраке черты лица Жуань Ихань казались мягче. Цинь Хайяо молча наблюдала за ней — за тем, как та сложила ладони, как покраснели её глаза, как она задула свечи, искренне загадывая желание.

«Пусть будет так. В этой жизни нам суждено пройти именно этот путь».

Для бабушки Жуань праздник прошел хорошо. И все же пожилая женщина не могла не заметить, что между её внучкой и Сяо Хай больше нет прежней нежности — лишь какая-то натянутость и необъяснимая холодность.

Когда пришло время резать торт, бабушка, дурачась как ребенок, подцепила пальцем немного крема и мазнула Жуань Ихань по щеке, а затем легонько ушипнула Сяо Хай. Она смотрела на них и счастливо улыбалась.

Жуань Ихань послушно улыбнулась в ответ. Цинь Хайяо, глядя на неё, тоже заставила себя улыбнуться. Вот только её улыбка вышла бледной и безжизненной.

После праздничных хлопот бабушка притомилась. Цинь Хайяо заранее позаботилась о ней и привезла в подарок мягкие хлопковые наколенники, хорошо пропускающие воздух. В дождливые дни у старушки всегда ныли и болели суставы — отголоски молодости, когда ей

приходилось мотаться за товаром и мерзнуть на пронизывающем ветру.

Когда-то развлекательная компания «Иян» была лишь скромным филиалом развлекательной компании «Ифэн». Но после семейных неурядиц её отделили, и управление взяли на себя родители Жуань Ихань. Им пришлось нелегко: начав с хаотичного ресторанного бизнеса, сферы услуг и мелких развлечений, они шаг за шагом превратили фирму в настоящего гиганта индустрии развлечений.

Родители погибшей Жуань Ихань разбились во время деловой поездки — их машина сорвалась в ущелье. Девочка осталась единственной наследницей и последней ниточкой, связывающей бабушку с прошлым, поэтому та холила и лелеяла внучку, сдувая с нее пылинки. Выросла Ихань капризной и гордой, со скверным характером, так что за все эти годы никто, кроме Цинь Хайяо, не мог к ней подступиться.

Бабушка прекрасно видела, что внучка любит Цинь Хайяо всем сердцем. Зная взрывной и упрямый нрав Ихань, старая женщина старалась изо всех сил задобрить её избранницу, надеясь, что после её смерти внучка не останется в полном одиночестве.

Заметив на столе новую упаковку таблеток от давления, Цинь Хайяо обеспокоенно спросила:

— Бабушка, у вас снова поднялось давление?

— Все в порядке, — добродушно отмахнулась та. — Это А-Хань зря паникует, силой заставила купить.

Цинь Хайяо молча кивнула. Разговаривать больше было не о чем, да и время поджимало — пора уходить.

— А-Хань, ну чего стоишь? Проводи её!

Бабушка сердито прикрикнула на притихшую внучку. Поведение Ихань сегодня откровенно злило старушку. Сяо Хай — такая замечательная девушка, разделившая с ней все невзгоды. Даже теперь, когда их семья лишилась всего, она не отвернулась, осталась рядом и приехала поздравить Ихань с днем рождения. И как только у внучки совести хватает так холодно с ней обходиться?

Жуань Ихань словно приросла к полу. В горле пересохло, и она не смогла выдавить из себя ни звука.

Цинь Хайяо бросила на неё короткий взгляд, плотнее укуталась в шаль и тихо произнесла:

— Прощай.

В этом тихом «прощай» проскользнула едва заметная дрожь. И правда. Прощай — значит, мы больше никогда не увидимся. После сегодняшнего дня они станут друг другу абсолютно чужими людьми.

Как вырвать из сердца ту, кого любила до мозга костей?

Жуань Ихань стиснула зубы. Она справится. Справится с помощью ненависти — обжигающей, сводящей с ума ярости. Она обязательно перешагнет через это.

Бабушка уже укладывалась спать. Поворачиваясь на бок, она снова негромко наказала:

— Сяо Хай — золото, а не девка. Береги её, А-Хань.

— Хорошо, — глухо отозвалась Ихань.

Лишь тогда пожилая женщина успокоилась и закрыла глаза. Вскоре из-под одеяла донеслось её тихое, мерное сопение.

Сидя на краю постели, Жуань Ихань всматривалась в лицо спящей старушки. Во сне бабушка казалась совсем беззащитной, её губы забавно шевелились в такт дыханию. Сердце Ихань болезненно сжалось от тоски.

Родителей больше нет, бабушка — её единственный родной человек на всем белом свете. Ихань ведь клялась, что обеспечит ей спокойную и счастливую старость. А вместо этого... Из-за её глупости и доверчивости пожилая женщина на старости лет вынуждена скитаться по углам, прятаться от должников и постоянно дрожать за свою жизнь.

У тускло горящей настольной лампы Жуань Ихань со стеклянным взглядом разглядывала плотный бумажный конверт — тот самый, что Цинь Хайяо оставила перед уходом.

Она долго сидела неподвижно, не сводя с него глаз, а затем медленно распечатала.

Внутри оказалось немного: кольцо, три авиабилеты и чек на крупную сумму.

Глянцевый ободок кольца блеснул в полумраке, и Жуань Ихань не выдержала — слезы сами покатались по щекам.

Кольцо...

Она лично надела его на палец Хайяо.

Это случилось в День святого Валентина. Ихань тогда приготовила кучу сюрпризов, от которых Хайяо растрогалась до слез. А в самый последний момент Ихань достала заветную коробочку с сияющим колечком. Она так волновалась, что у неё вспотели ладони, и кольцо никак не хотело налезать. Хайяо смотрела на неё сверху вниз и ласково улыбалась. Её взгляд был полон бесконечной нежности и любви...

Оказывается, всё это время она просто играла роль. Всё было ложью.

А-Ли вернулась только глубокой ночью.

На её лице живого места не было от ссадин и синяков. Увидев Жуань Ихань, дежурившую у двери, она бросилась к ней и разрыдалась:

— Простите меня, старшая барышня, простите... Это всё из-за меня, я во всем виновата!

Прошлой ночью А-Ли в порыве ярости отправилась к Цинь Хайяо. У неё не было мысли убивать предательницу — она лишь хотела плюнуть той в лицо и спросить, как она могла растоптать чувства старшей барышни. В памяти А-Ли Цинь Хайяо всё еще оставалась той мягкой, нежной женщиной, которая преданно заглядывала Ихань в глаза. А-Ли прекрасно знала планировку особняка, поэтому легко обошла камеры и пробралась в кабинет. Но стоило ей переступить порог, как к её горлу прижалось что-то холодное и острое.

Из тени бесшумно выступила Сяо Янь. В ту же секунду вспыхнул ослепительный свет. Цинь Хайяо неторопливо вышла из-за книжного шкафа. Посмотрев на пойманную гостью, она едва слышно прошептала:

— Так это ты...

Она скользнула взглядом по пространству за спиной А-Ли, и её глаза мгновенно потухли.

А-Ли попыталась вырваться, но недооценила навыки Сяо Янь. Та уложила её на лопатки так быстро, что А-Ли даже не успела сообразить, как получила свои ушибы.

Жуань Ихань подошла ближе. Осмотрев побитое лицо помощницы, она тяжело вздохнула:

— Идем в дом.

Бабушка крепко спала, поэтому девушки прокрались в комнату на цыпочках. Лекарства, купленные накануне, пришлось как нельзя кстати. Жуань Ихань осторожно обрабатывала раны А-Ли смоченным в антисептике ватным тампоном. Та молча терпела жжение, не проронив ни

слова.

После ночного визита к врагам А-Ли наконец до конца осознала горький смысл слов Ихань: «Я проиграла». Действительно, у них теперь не осталось даже призрачной возможности отомстить. Это было сокрушительное, полное поражение.

Раз уж Цинь Хайяо сдержала слово и отпустила её человека, Жуань Ихань тоже выполнит свою часть уговора — уберется как можно дальше, чтобы предательница больше никогда её не увидела.

На следующее утро бабушка, встав с постели, застала их за сборами. Старушка растерянно переводила взгляд с чемоданов на внучку:

— Что происходит?.. А как же Сяо Хай?

Жуань Ихань промолчала. Правду можно утаить раз или два, но скрывать её вечно невозможно. Вчера Цинь Хайяо разыграла для бабушки последний спектакль. Рано или поздно пожилой женщине придется узнать истину, но Ихань боялась за её слабое сердце, поэтому собиралась открывать правду постепенно, шаг за шагом.

Старая госпожа за свою долгую жизнь навидалась всякого. Заметив мрачное выражение лица внучки, она не стала устраивать расспросы, хотя на душе у неё скребли кошки, а в голове внезапно зашумело и все поплыло перед глазами. Чтобы не тревожить Ихань, она выпила воды, немного поела и заставила себя перетерпеть этот приступ дурноты.

Вещи были собраны. Время поджимало. Все трое решили заказать такси до аэропорта.

Как раз когда машина подъехала, раздался стук в дверь. А-Ли в этот момент помогала бабушке подняться и подавала костыль, поэтому Жуань Ихань сама пошла открывать, думая, что это водитель.

Едва дверь приоткрылась, как в лоб Ихань уперлось холодное черное дуло пистолета. Она оцепенела и сделала вынужденный шаг назад.

Это была Цинь Цинь.

Изнутри Жуань Ихань сковал такой леденящий ужас, что её затрясло.

Цинь Цинь ничуть не изменилась: все тот же белоснежный деловой костюм, на пальце вызывающе поблескивает кольцо с изумрудом размером с голубиное яйцо. С притворной мягкой улыбкой она прошла в комнату и вальяжно опустилась на диван. Смерив насмешливым взглядом застывшую от шока А-Ли и помрачневшую старую госпожу, она небрежно вскинула бровь.

Вслед за ней в тесную квартирку хлынули крепкие телохранители в черных костюмах, наглухо перекрыв все выходы и взяв женщин в плотное кольцо.

— Надо же, забрались в такую глушь, — протянула Цинь Цинь с издевкой. — Если бы не Сяо Хай, мы бы вас век искали.

У Жуань Ихань оборвалось сердце.

— Что тебе нужно?! Цинь Цинь!!!

Цинь Цинь лениво прищурилась:

— А-Хань, ты все такая же несдержанная и дикая. Твоя тетушка Цинь надеялась, что пережитые беды хоть чему-то тебя научили, но ты снова меня разочаровываешь.

— Давай сюда всё, что тебе нужно, но трогай только меня! — сорвалась на крик Ихань. — Я выполнила условия Цинь Хайяо! Мы уезжаем и больше никогда здесь не покажемся! Вы не имеете права нарушать слово!

Двое громил намертво перехватили руки Жуань Ихань. Она отчаянно рвалась из их хватки, на её лбу вздулись багровые вены. Она уже лишилась всего, у неё осталась одна только бабушка — неужели эта тварь не оставит их в покое?!

Стоило А-Ли сделать резкое движение, как её тут же грубо прижали к стене.

Бабушка Жуань посмотрела на беснующуюся внучку, а затем перевела тяжелый взгляд на незваную гостью:

— Цинь Цинь, грехи нашего поколения не должны ложиться на плечи детей.

Взгляд Цинь Цинь, устремленный на старуху, был холодным как лед.

— Надо же, старая госпожа, никогда бы не подумала, что мы встретимся при таких обстоятельствах, — она тихо рассмеялась, глядя на свои идеальные ногти. — Вы ведь тоже не ожидали, верно? Я столько лет пресмыкалась перед вашей семьей, словно побитая собака, а теперь пришла загрызть своих хозяев.

Бабушка ответила спокойно и с достоинством:

— Действительно, не ожидала.

В глазах Цинь Цинь на мгновение вспыхнула ярость, но она быстро взяла себя в руки. Оглядевшись по сторонам, она спросила светским тоном:

— Ну как вам здешние хоромы, старая госпожа? Привыкаете? Пожалуй, это место выглядит еще более убогим, чем то корыто, в котором я жила, когда ваша семья растоптала меня.

Бабушка Жуань посмотрела на внучку, чье лицо в этот момент распластали по обеденному столу.

— Все, что произошло в прошлом — моя вина. У каждого долга есть свой проситель. Оставь девочку, делай со мной все, что хочешь.

Цинь Цинь лишь презрительно усмехнулась. Собравшись ответить, она вдруг краем глаза заметила лежащие на столе авиабилеты. Нахмурившись, она повернулась к стоящему рядом шрамованному мужчине:

— Дуаньцзы, это Сяо Хай им устроила?

Мужчина с уродливым шрамом во всю правую щеку мрачно процедил:

— Я сам только что это заметил.

«Сяо Хай?»

Бабушка потрясенно уставилась на Цинь Цинь:

— Ты... При чем тут Сяо Хай?..

Цинь Цинь изобразила крайнее удивление и перевела взгляд на Ихань:

— Неужели ты до сих пор ничего ей не сказала?

Жуань Ихань забилась в руках охранников с утроенной силой. Её лицо налилось багровой кровью, а вены на лбу вздулись так, словно готовы были лопнуть.

— Заткнись! Сволочь, закрой свой рот!!!

— Какая прелесть, — Цинь Цинь расплылась в довольной улыбке. Она посмотрела на старую госпожу, которая всегда славилась своей железной выдержкой, и мягко произнесла: — Что ж, старая госпожа, раз уж ваша любимая внучка не решается расстроить вас перед смертью, я возьму эту заботу на себя.

Ихань продолжала биться и иступленно кричать. Цинь Цинь едва заметно кивнула. Дуаньцзы без малейших колебаний шагнул к девушке. Короткое, безжалостное движение — раздался дикий крик А-Ли, глухой стон Ихань, и её челюсть с хрустом выскочила из сустава.

У бабушки Жуань бешено заколотилось сердце, кровь прилила к голове.

— Цинь Цинь, что ты творишь?! Что тебе нужно от нее?!

В глазах Цинь Цинь застыла безжалостная стужа.

— Старая госпожа, раз уж вам все равно недолго осталось, я хочу, чтобы вы ушли в могилу без лишних иллюзий.

Жуань Ихань задыхалась от дикой, раздирающей боли. Она больше не могла кричать слова — лишь дико, по-звериному мычала, извиваясь в тисках телохранителей, как загнанный в угол раненый зверь.

Цинь Цинь вплотную подошла к старухе и, глядя ей прямо в глаза, ледяным тоном отчеканила страшную правду:

— Ваша ненаглядная Сяо Хай, которую вы пригрели на груди... моя внебрачная дочь. Дитя, которое я родила от Хайкуня.

Глаза старой госпожи широко распахнулись. Невыносимая, раскалывающая боль пронзила её виски, комната бешено завертелась перед глазами. Старушка пошатнулась, теряя равновесие. Она попыталась повернуться к Ихань, словно надеясь разглядеть в её лице опровержение этого кошмара, но взгляд её затуманился. Спустя мгновение её тело обмякло, и она замертво рухнула навзничь.

Слезы градом покатились из глаз Жуань Ихань, капая на грязный пол. Из её горла вырывался лишь жуткий, глухой хрип, похожий на предсмертный рев раненого животного. Её трясло крупной дрожью, а белки глаз залились пугающей багровой краснотой.

«Бабушка... Бабушка! Откройте глаза, умоляю вас!!!»

Дверь с грохотом распахнулась от удара ноги. В комнату ворвалась Цинь Хайяо, а следовавшие за ней люди мгновенно оцепили все углы.

Лицо Цинь Цинь на мгновение исказилось. Цинь Хайяо с порога увидела лежащую на полу без сознания старушку. Бросившись к ней, она упала на колени и бережно приподняла её голову:

— Бабушка! Бабушка, очнитесь!

Ответа не последовало.

Сяо Янь сделала шаг вперед, чтобы помочь хозяйке, но стоявший рядом с Цинь Цинь Дуаньцзы среагировал молниеносно — одним жестким движением он мертвой хваткой вцепился ей в горло.

Люди Цинь Хайяо дернулись было на выручку, но Цинь Цинь ледяным тоном остудила их пыл:

— Что, бунтовать вздумали?

Одного этого вопроса хватило, чтобы нападавшие застыли как вкопанные. Эти бойцы подчинялись Цинь Хайяо и присягали на верность семье Цинь... Но все они прекрасно знали, что истинной главой и хозяйкой семьи Цинь оставалась Цинь Цинь.

— Прекрати, — Цинь Цинь с усмешкой посмотрела на плачущую Цинь Хайяо, судорожно прижимающую к себе бездыханную старуху. — Сяо Хай, здесь все свои. Перед кем ты тут разыгрываешь комедию?

Услышав это, Жуань Ихань вздрогнула всем телом, словно от удара током.

Цинь Хайяо промолчала. Её губы беззвучно зашевелились в отчаянной, безмолвной мольбе, но один лишь яростный взгляд матери заставил её оборвать любые попытки оправдаться.

Цинь Цинь медленно повернула голову к Жуань Ихань, которая уже окончательно теряла рассудок от горя. На губах мучительницы заиграла змеиная ухмылка:

— Хочешь спасти свою старуху?

Жуань Ихань вперила в Цинь Цинь бешеный, налитый кровью взгляд. Ненависть в её груди полыхала таким адским пламенем, что Ихань разорвала бы эту тварь на куски голыми руками, содрала бы с неё кожу и стерла в порошок прямо сейчас, будь у неё хоть секунда свободы.

Но чем сильнее была эта ярость, тем большее удовлетворение испытывала Цинь Цинь.

— Знаешь, — вкрадчиво заговорила она, — когда я была в возрасте Сяо Хай, твоя семейка держала меня при себе на правах бездомной шавки.

Она перевела взгляд на побледневшую дочь:

— Ради нашей мести моя девочка тоже натерпелась немало лишений.

Цинь Хайяо до крови прикусила губу и тихо спросила:

— Мама... что ты собираешься делать?

Цинь Цинь ласково, почти по-матерински улыбнулась:

— Что я собираюсь делать? — она резко повернулась к Ихань. — Я хочу, чтобы эта дрянь ползала перед тобой на коленях и умоляла о пощаде, как последняя сука.

<http://bllate.org/book/20651/2106157>